

*Посвящается Милли, Мэри-Энн, Евангелине, Пэт,
Марианне, Барби, Люси, Алисии,
их матерям, матерям их матерей, и так до самой Евы*

Благодарности

Я благодарен покойному (увы) Люциусу Шепарду за то, что он разрешил мне процитировать «Красавицу-дочь добытчика чешуи». Байрону Тетрику за летные протоколы. Тому Пюрдому за описания жизни военных. Анатолию Белиловскому за перечень русских ящеров. Биллу Гибсону за то, что снова снабдил героя подходящими наручными часами. Марчину Панговскому за помощь с польским языком. Кевину Болцу за бретонские имена. Эллен Кушнер за «Гносьены» Сати. Барбаре Фрост за финансовый калькулятор. Моему сыну Шону за *Realpolitik* в Фейри и хореографию драконьей битвы. Барбаре Уайтбрехт за морских созданий. Тому Дойлу за девиз Драконьего Корпуса, а Марио Рупс за пролатинские грамматические атецеденты. Дженис Йен за то, что разрешила процитировать «Джесси». Покойному Гарднеру Дозуа, которого так не хватает, за то, что в принципе научил меня писать. И фонду М. К. Портера за искусство для жизни, любви и всего остального.

Цитата из «Локомотива», рассказа Туве Янссон из сборника «Искусство в природе» («Art in Nature», 1978; *Sort of Books*, 2012; перевод Томаса Гиля), приводится с разрешения издательства *Sort of Books*.

Отрывок из «Аверно», стихотворения Луизы Глюк из сборника «Стихотворения 1962–2012» (© 2012 Луиза Глюк), приводится с разрешения издательства *Farrar, Straus and Giroux*.

Жила-была девчушка;
Кто слушал — молодец;
Росла, старела, умерла,
Тут сказочке конец.

Хелен В., заметки

Умирать — дело муторное. Это Хелен В. усвоила еще в самом начале, когда свыкалась не только с тем, что лучше ей уже никогда не станет, но и с тем, что отныне все совершенные в отпущенное ей время поступки не будут иметь ровно никакого значения. С подобным фактом весьма трудно смириться женщине девяноста с лишним лет, мысли и дела которой всегда имели значение, и притом немалое. А также с тем, что ждать осталось только удара кувалдой в затылок в конце коридора, ведущего на скотобойню, — и больше ничего.

Она не знала, что по ее душу летят драконы.

— Ну, красотка, как мы сегодня себя чувствуем? — В палату, пританцовывая, впорхнул медбрат из дневной смены, как всегда необъяснимо жизнерадостный.

Ну, хоть не насвистывал. А то случалось ведь, что и насвистывал.

К разным частям тела Хелен крепились проводки (всего около десятка), уходя к выстроившимся в ряд мониторам, и все эти мониторы, словно малолетние детишки, изо всех сил старались привлечь к себе внимание по каким-то своим, совершенно неведомым Хелен повадам.

Последние полчаса один из них громко пищал, доблестно пытаясь поведать равнодушному миру о ее высоком давлении. Ну разумеется, давление поднялось, и оно, безусловно, не понизится, пока кто-нибудь не вырубит эту дрянь.

Голову поворачивать было больно, но Хелен пошла на эту жертву и перевела взгляд с мониторов на дневного медбрата, стоявшего у хитросплетения прозрачных трубок, по которым лились туда-сюда жидкости — в мешок иссохшей плоти, который когда-то доставлял ей столько радости, и обратно.

— Лежим-умираем.

— Чушь какая. Вы только себя послушайте — сколько негатива! Как вы с таким настроем поправляться-то будете?

— Я не буду.

— Ну вот, рад, что наконец-то вы со мной согласились.

Медбрат быстренько повывергивал трубки из катетеров и поменял прозрачные мешки на хромированных стойках. Пристегнув к кровати каталку, потянул-подтолкнул-перекатил Хелен. Поменял белье, положил ее обратно, убрал каталку. Наконец постучал по зашедшемуся монитору, выключил его и сообщил:

— У вас давление высокое.

— Да что вы говорите.

— А что случилось с теми вашими красивыми цветочками?

Не дожидаясь ответа Хелен (которая велела выбросить цветы, потому что ей плевать было на пустые жесты дальних родственников, о существовании которых она едва помнила и которых не узнала бы при встрече на улице), медбрат поднял пульт и включил телевизор. В палате грянул хриплый хохот. Самый безрадостный звук во всей

вселенной. Но Хелен вынуждена была признать, что звук этот, не жалея сил, заглушал гробовую тишину ее угасающей жизни.

— Либо этому телевизору конец, либо мне, — сказала она. — Оскар Уайльд, тридцатое ноября тысяча девяти-сотого года.

— Что?

— Никто и никогда не понимает моих шуток. — Хелен закрыла глаза. — Типично — история всей моей жизни.

Именно так. Но сдержаться и не шутить она не могла. Хелен была битком набита всяческими фактами, и теперь они лезли наружу, просачивались, унижительным образом вытекали через все отверстия и душевные раны.

— Как все медленно тянется, — сказала она и провалилась в то, что раньше по ошибке могла принять за сон, а теперь считала в лучшем случае отсутствием сознания.

Очнулась Хелен ночью.

На заре карьеры, в бытность свою жалким шелкопепром, она выучила, что любую сцену нужно закреплять как минимум тремя отсылками к органам чувств. Повар в забегаловке слышит, как шкворчат яйца на сковороде, чует запах горелого кофе из кофеварки, кладет руку на стойку, чуть скользкую от жира. Больше ничего и не надо. Но здесь этого сделать было невозможно. Все неправильное, грязное, такое, на что стоило бы взглянуть, убрали или сгладили. Никаких острых углов. Все звуки приглушены — далекие, лишённые эмоций голоса, неторопливый скрип тапочек по линолеуму в коридоре. Все цвета в серовато-белой гамме: яичная скорлупа, темно-бежевый, сливочный, кукурузный, жемчужный, латте, гейнсборо. Хуже всего были запахи — ничего не выражающие, обезболенные больничные запахи. Когда убрали все раздражители, Хелен обнаружила, что скучает.

«Я словно старая псина, — подумала она, — у которой отобрали всякие занимательные вонючки».

Больница была местом, где избавлялись. Сюда приходили избавиться от боли, болезней, продуктов жизнедеятельности, анализов крови, бинтов, повязок, запахов, чувств, органов и в конечном итоге от самого себя.

— Вы попадете прямиком в ад, — без тени сомнения объявила медсестра из ночной смены.

По всей видимости, Хелен проснулась на середине разговора. Такое с ней бывало.

— Католические бредни, — парировала она.

Не ожидала такого от доброй баптистки. Глядишь, дальше кинется преломлять хлеб и читать новены за спасение ее души. Накатил приступ боли, и Хелен изо всех сил постаралась не обращать на него внимания.

Ночная сестра принялась отстегивать трубочки и снимать пустые прозрачные мешки, которые нужно было заменить на новые — полненькие. Делала она это всегда молча, целиком уйдя в свое занятие. Завидное качество, следует признать.

— Я всего-навсего устройство. Для перегонки жидкостей. Из одного мешка в другой, — сказала Хелен. — Причем наиболее дорогим способом из всех возможных.

Сестра закончила с мешками и трубочками.

— Вечно-то вы шутите.

— Тут вы правы. Именно так.

— Стоите на самом краю бездны, а все вам хиханьки-хаханьки. Вот загремите сейчас прямиком в пекло, а сами веселитесь, как умалишенная. Господь Иисус наш протягивает руку, чтобы вас спасти. И всего-то надо — принять Его милость. А вы что? Делаете вид, что в жизни только и есть что смешки да ужимки. В гордости и высокомерии своем досмеетесь до вечных мук.

Это была обличительная проповедь. В лоб, совершенно серьезно, от самого сердца. Но вот произнес ли кто-нибудь в конце «аминь»? Нет. Уж точно не Хелен. Хелен В. не чувствовала ничего — только все более настойчивые позывы боли отнюдь не духовного свойства. Ну и было бы лицемерно с ее стороны притворяться, что она верит в Бога, ведь Тот, как в один голос утверждали монашки в ее далеком детстве, лицемеров терпеть не мог.

— Что это вы читаете? — поинтересовалась ночная сестра, взяв с тумбочки книгу в бумажной обложке.

— Слова, слова, слова, — устало, в надежде, что она не станет любопытствовать и вернет книгу на место, ответила Хелен и задохнулась от накатившей боли.

— Какая-то языческая ерунда, — с обычной своей пронизательностью провозгласила ночная сестра и положила книгу на тумбочку названием вниз.

— Мне нужно обезболивающее.

— Хмм, хмм, — промычала женщина, заполняя какие-то чертовы бумажки.

— Мне правда нужно.

— Будет вам обезболивающее. Не гоните лошадей.

— Власть демонстрируете?

Хелен вполне представляла, какую вызывает у женщины, которая никогда не ныряла с маской на Мальдивах, никогда не оказывалась вдруг судьей на конкурсе по игре на невидимой гитаре в подпольном баре в трущобах Йоханнесбурга, никогда не трудилась все лето над старым ржавым «феррари», пытаясь перевести его с бензина на растительное масло, потому что влюбилась в мальчишку, жаждавшего спасти мир, — какую она, видимо, вызывает у этой женщины неприязнь. Жизнь у ночной сестры, наверное, сложилась нелегкая. Вполне понятно, почему она не дает лекарство не в меру докучливой ста-

рушонке, — это единственная доступная ей форма власти. Да и Хелен, в общем-то, в свои последние деньки ничего особенного из себя не представляла. Ей нравилось воображать себя Карой Господней для медсестер, Ужасом Десятого Отделения. Но скорее всего, те, кому по долгу службы полагалось (по возможности безо всякой суеты) препроводить ее в мир иной, считали ее просто несговорчивой старушкой из палаты 402. Проявляющей вполне заурядное человеческое хамство.

— Бог, если Он есть, вас простит. Простит за то, что дали мне таблетку. А если Бога нет. То гребаный Дух времени. Или наше коллективное бессознательное. Вас простит.

— Вот вы бросаетесь громкими словечками. Но они ведь ни о чем не говорят, эти слова.

И ночная медсестра ушла, а Хелен осталась лежать, рыдая от боли и ненавидя себя за это почти так же сильно, как ненавидела ночную сестру, которая с ней это сотворила. Жалкая, жалкая, жалкая...

Снова запищал монитор.

Ночная сестра вернулась. Послышался шелест — будто рвется пластиковая упаковка. Потом тихая возня — медсестра что-то там делала с трубочками и прозрачными мешками. Наконец она сказала:

— Добавила вам в капельницу демерол. Имейте терпение, скоро подействует.

— Вы мне нравитесь, — сумела выдавить Хелен. — Правда. Спасибо. Правда нравитесь.

Но на ночную сестру лезть не подействовала.

— И поэтому вы на меня вываливаете все те идиотские мысли, которые лезут вам в голову. Кто там вам нравится — дело десятое. Важно лишь, любите ли вы Господа больше, чем собственные умные слова. Вот полежите подумайте об этом. Подумайте хорошенько.

«Аминь, сестра», — мысленно сказала Хелен. Еще в доме для престарелых она кучу сил потратила, делая вид, что пишет мемуары — «Имя, написанное на воде». Что ж, настало время признать: мало того что ей их никогда не закончить, она, собственно, никогда толком и не начала. Жизнь — для живых, мемуары — для тех, кому есть что сказать, а у нее уже очень давно ни с тем ни с другим не ладится.

Ночная сестра отключила звук на мониторе.

— У вас давление высокое.

— Неужели? Ума не приложу почему.

— А, эти двое, — спокойно, добродушно сказала медсестра из вечерней смены. Видимо, Хелен снова очнулась посреди разговора. Эмили была настоящей пышкой, с круглым розовым лицом и редкими светлыми волосами. А еще она была (во всяком случае, так считала Хелен В., а в таких делах она хорошо разбиралась) по-настоящему доброй. Наверное, ей в жизни пришлось перенести немало боли. — Как вы их терпите — не знаю.

— Получаю массу удовольствия от обоих. Про каждого могла бы сериал сострять.

Хелен по неведомым причинам потянуло на откровенность. Видимо, открылось второе дыхание. Или, скорее, последнее. Правда, дышать от этого легче не стало.

— «Больничное солнышко». Про дипломированного медработника. Он, сам о том не подозревая, всех выводит из себя. Веселенько, бодренько, позитивненько. Разумеется, ситком. Конечно, главный герой — женщина. Боже упаси, чтобы такого тупицу играл мужчина. Не раз пыталась это провернуть. Но все без толку. Пилот буквально сам напишется. В главной роли девица, с которой нынче спит глава программного отдела. А вот «Ночная сестра»... Тут поинтереснее. Женщина с суровыми мо-

ральными принципами. Считает своим долгом обращать пациентов. Но тут и кроется подвох. Она знает: люди — неисправимые грешники. Только ночной сестре удастся кого-нибудь спасти. Она тут же этого человека убивает. Чтобы умер просветленный. Да. И попал прямиком в рай. И вот очередной пациент духовно воспаряет. Поднимается из Топи Уныния. Снова ощущает надежду. И каждый раз зрители трясутся от ужаса. Вот сейчас. Боже мой, вот сейчас. Нагнетается тревожное ожидание. Сложный характер. С подходящей актрисой может и хит получиться.

— Точно, вы ведь раньше были писательницей?

— Ничего подобного. Продюсером. Именно на мне все и держалось. — Хелен сказала это деликатно, стараясь не обидеть собеседницу. Эмили ей нравилась: она позволяла увести разговор туда, куда Хелен хотелось. Редкостная удача — найти хорошего слушателя, особенно в таком месте. — Писатели — они как больничное судно. Без них не обойтись. Но и на ужин с собой не возьмешь.

— А знаете, Хелен, — со смехом отозвалась вечерняя сестра, — я буду по вам скучать. Второй такой, как вы, на свете нет.

— Да уж. И слава богу. Одной меня более чем достаточно.

Но Эмили уже начала прибираться, и Хелен понимала, что это значит. У нее не было припасено ничего такого особенного, чтобы задержать вечернюю сестру в палате, поэтому выбора не осталось — только правда.

— У меня есть план побега, — сообщила она.

— Неужели?

— Сделаю отсюда ноги. — Хелен выждала, когда Эмили откроет рот, чтобы растолковать, что это совершенно невозможно. — Та книжица на тумбочке — «Тибетская книга мертвых». С примечаниями. Я ее читала. В мо-

мент смерти наступает момент свободы. Если цепляться за жизнь. Просто опускаешься по спирали обратно. В сансару. Перерождаешься. И опять все по новой. Но есть то единственное мгновение. Когда можно совершить прыжок в неизвестность. В лучший мир. И я прыгну.

— Не знала, что вы буддистка.

— А я и не буддистка. Опиум для народа. Чуть со-бачья. Но побег есть побег. Так ведь? Раз уж прислали в тюрьму пирожок с напильником. Плевать, какой этот напильник марки.

— Не совсем вас понимаю.

— Ладно. В этой книжице детально рассказывается. Что происходит с нами после смерти. Больше нигде это не описывают подробно. Ну, допустим, Данте, но бог с ним. Может, им что-то известно. Кто-нибудь восстал из мертвых. Порассказал кой-чего. А монахи записали. И получилась религия. А может, вовсе и не религия. Может, просто голые факты. Подумайте об этом. Стоит об этом...

Но Эмили уже шла к двери. Улыбка, взмах руки, сейчас она исчезнет в прошлом, превратится в тускнеющее воспоминание, легкое сожаление.

— Я могла бы и про вас сделать сериал, — сказала Хелен, только чтобы не остаться без зрителя.

Она действительно могла бы. Хелен знала это наверняка. Больница, обычное место, где самым обыденным образом, какой только можно вообразить, разыгрываются драмы о жизни и смерти. Важные темы, сведенные к маленьким жестам. И в центре всего этого... обычная женщина, исполненная обычной доброты. Такая не осадит террориста, не убедит больного кандидата в президенты изменить политику здравоохранения, не отговорит от самоубийства юную поп-звезду. Но она делает для своих подопечных что может, выходит на ночное дежурство, чтобы

подменить подругу, нет, даже не подругу — просто коллегу, которая хочет послушать, как дочка поет в школьном спектакле...

Эмили уже ушла.

Ну и ладно. Продать такой сериал не удалось бы даже Хелен В. Для такой вдумчивой и умной истории просто не нашлось бы аудитории. Может, когда-нибудь в пятидесятых, а сегодня — нет. Сегодня Хелен просто пожалела, что вслух рассказала о плане побега. Облеченный в слова, он казался ненадежным. Да что уж тут деликатничать — глупым. Но ничего другого у нее не было.

— «Я запутался», — сказала она. — Алистер Кроули, первое декабря тысяча девятьсот сорок седьмого года.

Видимо, минул еще один день. Хелен закрыла глаза и позволила темноте унести себя вниз по течению.

Внезапно громко завибрировала машина — та, что время от времени надувала рукава, липучками пристегнутые к ногам Хелен, эти мерзкие рукава сжимались и разжимались, сначала на правой ноге, потом на левой, имитируя нагрузку при ходьбе. Штукенция вроде как не давала крови застаиваться, но включалась она ровно тогда, когда Хелен удавалось наконец о ней забыть. Наверно, Хелен спала. Кто-то насвистывал.

— С добрым утречком, красotka. Какой чудесный денек. Приятно же в такой денек быть живой? — Дневной медбрат принялся отстегивать и пристегивать прозрачные мешки. Потом провернул фокус с каталкой, чтобы перекатить Хелен с койки и поменять белье.

— Нет, — ответила она. — Неприятно.

— Вечно-то вы так. Безднадежны. — Он перекатил ее обратно.

— Я тут все гадаю, — скорее от скуки, чем с какой-то определенной целью, сказала Хелен, — у вас имя-то есть?

— Ну вот, теперь вы задели мои чувства, — с улыбкой отчитал ее медбрат, уперев руки в боки. — Чарльз. Я вам уже не раз говорил.

— Чак. Понятненько. — Хелен отвернулась, уставившись на стоявшие в ряд мониторы, а потом (потому что сдержаться было выше ее сил) снова повернулась к медбрату. — Скажите, Чак, почему вы вечно такой до чертиков счастливый?

— Прекратите-ка. — Невероятно, но в его голосе прозвучало искреннее раздражение. Видимо, Хелен удалось таки пробить броню идиотизма. — Вы нездоровы, но это не дает вам права обращаться с людьми так, будто они дураки.

— Чак, Чак, Чак. Вы что, ни разу не смотрели «Клоунов» Феллини? Вы дурак. Я дура. Вся наша чертова планета — планета дураков. Корабль дураков. Именно поэтому мы и здесь. Чтобы Богу было над чем посмеяться. Если не можешь смеяться над идиотами, что ты тогда вообще можешь? Устал от идиотов, значит устал от жизни.

— Вы безнадежны. Просто безнадежны. — Дневной медбрат снова улыбался.

— Я не устала от жизни, — сказала Хелен. А затем, поскольку прозвучало не очень убедительно, повторила: — Не устала.

Медбрат включил телевизор.

— Что все-таки случилось с теми вашими красивыми цветочками? — спросил он.

И, насвистывая, вышел из палаты.

С добрым утречком, красотка, — и не забудьте, что попадете в ад. Так и шло время. Слишком медленно и слишком быстро — шло к своему назначенному и неотвратимому концу. И так и этак невыносимо. Сколько лет она уже здесь провела? Месяц? Девять часов?

Хелен заплакала, ненавидя себя за это.

«Нет, нет, нет, — подумала она, — это не я плачу, это просто мое тело». Но то была ложь, и она об этом знала. Духом Хелен была так же слаба, как и плотью. Она боялась оставаться наедине со своими мыслями. Снова настала ночь, а медсестра где-то ходила. В коридорах повисла смертельная тишина. Вполне подходящий антураж. «Вернись, — молила она, — я согласна обратиться. Аллилуйя. Честное слово».

Тишина.

В углах палаты сгущалась непроницаемая тьма. Может, она всегда была там, выжидала, а Хелен заметила ее только теперь? Медленно тьма выползала из углов на потолке, из-под кровати, будто туман закрывал безлунное небо, густел, темнел, пока вокруг не осталось ничего, кроме темноты. Как дешевые спецэффекты в дурном фильме ужасов. В свое время Хелен и таких навывускала.

Разом заголосили все мониторы. «Тише, дети мои, — хотела она сказать. — Через неделю вы и не вспомните, кто я такая».

Далеким краем сознания Хелен уловила звук торопливых шагов, поняла, что в комнату набились люди, почувствовала, как резко развернули койку, как начали оказывать неотложную помощь. Но когда она пыталась сосредоточиться на этих людях, люди меркли и становились ненастоящими, превращались в фантазии умирающего разума.

— Ну наконец-то, вот оно меркнет, — прошептала она. — Генри Джеймс...

И вдруг дар речи ее покинул. Не эти слова Хелен выбрала бы последними, будь у нее зрители. Но зрителей не было. Типично — история всей ее жизни.

Ее маленькие электронные дочки закатали настоящую истерику: подпрыгивали, голосили, завывали на все

лады и вроде бы даже мигали. Ну что ж, им просто-напросто придется научиться как-то справляться без нее, ведь вокруг Хелен коконом смыкалась тьма. Тьма выдавливала из палаты свет. Медленно, но неумолимо вытесняла его, пока не остался лишь размытый, тающий в отдалении кружок. И этот кружок напомнил ей о чем-то. Что-то такое она должна была сделать. Что-то...

Хелен вспомнила о своем плане побега. Но ей не успеть! Свет меркнул, умирал, от него осталась лишь искра.

Охваченная паникой Хелен сконцентрировалась на далекой светящейся точке и *прыгнула*.

Она не знала, что по ее душу прилетели драконы.

Они не знали об этом тоже.

Она не знала...

Я... что? Нет, пожалуйста. Дайте только. И не. А кто-нибудь? Держи крылья ровно. Где это было? Не надо. Уши заполнили похожие на клекот чаек голоса, они заглушили все чувства. Ого, вляпалась ты. Помолись обо мне, Дочь Ночи. Но как? Вон там. Приборы. Нет! Я умру? Прекрати.

Она не знала...

Ну пожалуйста. Это не. Где земля? Голоса слились в одно головокружительное, лишенное времени мгновение, наполненное белым шумом, и она в панике подумала: кто я? Что я здесь делаю? Врубай форсаж и закрой глаза. Вот черт, нет. Похорони ее в воинской могиле. Выхода нет.

...кто она.

А потом в жуткий миг внезапно нахлынувшего прояснения она осознала, что находится не там, где ей казалось, — она в кабине дракона, дракон в воздухе, вокруг летят другие драконы, и, следовательно, это боевой вылет, а она боги знают где, занята не пойми чем и, по всей видимости, умудрилась потерять контроль над опаснейшей и мощнейшей в мире боевой машиной.

Но ладони Кейтлин, хоть и вспотевшие, крепко сжимали резиновые рукоятки на подлокотниках, а интерфейсные иглы сидели глубоко в ее запястьях. Она чувствовала холодное железо, ощущала рев двигателей своей зверюги, а прямо под поверхностью ее собственных мыслей колыхался безбрежный океан драконьего разума, бурлящего от ненависти! злобы! жажды битвы! но все же послушного ее воле. Она включила инфракрасный и ультрафиолетовый слои поверх истинной цветопередачи — небо окрасилось лиловым, на нем засверкали звезды, днем не видимые невооруженным взглядом. Запросила карту созвездий. Совместив звезды с сигилами, выяснила, что находится над Ультима Туле, где-то к северу от базы. У Кейтлин появилась одна мысль, и она отключила изображение с камер кругового обзора. Кабина сияла хромированной сталью, оптическими стеклами, гладким эбеновым деревом. Пилотское кресло из темно-красной кожи с вышитой зеленым эмблемой эскадрильи изогнулось под ней, приспособившись к изменившемуся положению, обняло бедра, приподнялось, чтобы подпереть спину. Взгляд Кейтлин перепрыгнул на приборы: все они подтверждали то, что она чувствовала и так, — полет проходит нормально.

И самое главное, никто вроде бы не заметил ничего странного в поведении ее дракона. Значит, что бы ни случилось только что — произошло все очень быстро. Неприятно, но заикливаться не стоит. Нет необходимости документировать. Проехали и забыли. Точка.

Кейтлин с шумом выдохнула. Выходит, она все это время задерживала дыхание.

Повинуясь очередной мысленной команде, ее голову снова оплели панорамные сенсоры. Кабина исчезла — внутри у Кейтлин вздулось драконье ка. Ветер плавно обтекал ее крылья. Под брюхом медленно ползли горы Ультима Туле, поблескивая ледниками и древними снегами.

Воздух был чист до самого горизонта, никакой турбулентности. Голубое небо раскинулось бескрайней безоблачной чашей. Идеальный день для полета.

Остальные пилоты затаили по радио песню. Они сумели пройти через Врата Сна и вернуться невредимыми — шестой раз кряду, а ведь это опасное путешествие: мало каким эскадрильям удавалось выполнить столько вылетов подряд, не потеряв при этом дракона — трех, а с ними и пилотов. Тут имелись все основания для гордости.

Командир эскадрильи, Ртуть из Дома Нефрита, пропел первую строфу:

Богиня бессмертная и хитроумная,
Драконов владычица, я
Молю, да не свергнет воина истого
С неба воля твоя.

Песню подхватили остальные, каждому — по строке, в порядке старшинства:

Но голос слышав, тебя призывающий,
Богиня, ко мне снизойди,
И в колеснице своей воробьиной
С тверди высот упади.

Кейтлин считалась в эскадрилье распоследним желторотиком с самым маленьким налетом, это было первое в ее практике серьезное боевое задание, а потому ей досталась последняя строка. Она едва не пропустила момент, но, когда дрожащим голосом пропела первый слог, то влилась в общий гармоничный хор — неразличимая, неотъемлемая часть целого. Кейтлин стала одной из них, прошла боевое крещение, получила право разделить ликование эскадрильи, и от этого дух ее воспарил выше, чем вознесенное драконом тело.

Именно к этому мигу и приуговляла Кейтлин вся ее прошлая жизнь. Она — офицер и пилот, а теперь и полноправный член Эскадрильи Трупожоров. Этот миг с лих-

вой искупал одинокое детство, полное насмешек и издевательств, холодность родителей, надменность кузин и кузенов, снисходительность теток, неистребимое ощущение, что она не на своем месте, с которым Кейтлин боролась каждый день, сколько себя помнила. *Этот* миг с лихвой искупал все.

Благодушные потяжелевшие драконы возвращались на авиабазу Иннис Туле с грузом краденых детских душ в брюхе. На горных склонах плясали снежные феи, а далеко внизу кружила в поисках добычи одинокая виверна.

Показалась Иннис Туле, которую узким полумесяцем обхватывал небольшой городок. Место для нее на лесистом склоне Бен-Морг на полпути к вершине расчищали с помощью бульдозеров и динамита. Сразу над базой склоны становились значительно круче, и громадная гора устремлялась вверх в последней тщетной попытке взять штурмом небеса. Разумеется, саму базу с воздуха заметно не было: ее защищали мощные охранные чары невидимости, хотя тот, кто летел на драконе или создании схожей волшебной мощи, мог бы вычислить ее местоположение с помощью специального прорицательского оборудования. Леталось здесь расчудесно, но что касается внеслужебного времени, база, совершенно определенно, располагалась в самой заднице мира. За главными воротами — несколько баров и мужских клубов, парочка лавок с амулетами, кинотеатр — вот, в общем-то, и все, больше в увольнении податься было некуда.

Остальные драконы, казавшиеся с такого расстояния крошечными мошками, кружили над базой — заходили на посадку, держась на разной высоте. Один за другим чудовища соскальзывали вниз, приподняв и изогнув крылья, чтобы увеличить сопротивление, уменьшались до точки, замедлялись и всего в нескольких дюймах от взлет-

но-посадочной полосы задирали нос; затем после небольшой пробежки с распахнутыми крыльями, развернутыми параллельно земле, попадали прямым в руки стоявшей наготове оружейной бригады, снимавшей с них лазерные копья, пушки Гатлинга, ракеты «воздух — воздух» — все это входило в список обязательного снаряжения для драконьих полетов через полную опасностей пустоту между мирами.

Кейтлин заняла свое место среди заходящих на посадку, и тут же в ее ухо дохнул жарким вкрадчивым шепотом Кролик из Дома Онира (из всех пилотов авиабазы этот фокус умел проворачивать лишь он один):

— Эй, милашка, что на тебе надето?

Кейтлин фыркнула. Кролик отменно умел волочиться и славился этим своим умением. После окончания службы он, несомненно, должен был прославиться еще больше.

— Летная куртка.

Кабину тряхнуло от небольшой турбулентности, попа подскочила в кресле, и Кейтлин силой мысли чуть подрегулировала крыло.

— Я про то, что под курткой.

— Форма.

Турбулентность закончилась. Кейтлин пробежалась взглядом по приборам. Все в норме.

— Скажи же мне, что на тебе возмутительное кружевное белье, которое едва прикрывает твои прелести. Черное. Или... нет, погоди-ка! Бесстыдно темно-красное. Черное белье — признак бедного воображения.

— Ты бы со своим воображением держал от меня руки подальше.

Температура двигателя чуть высоковата, но вполне в пределах нормы.

— Увы, мое воображение противится узде. Вырвавшись из стойла, оно перемахнуло через ворота и мчится

галопом куда ему вздумается, волоча за собой беспомощного меня — одна нога застряла в стремени, заляпанная грязью голова вся распухла и покрылась шишками и синяками, ведь ее протащили сквозь тернистые изгороди твоего гнева, проволокли по каменистой земле твоего равнодушия. Ты не думай — моего мнения никто и не спрашивает, когда речь заходит о том, стоит ли сходить с ума по твоим упругим...

— Немедленно прекрати! Или я обвиню тебя в домогательствах и сдам следственной комиссии — глазом не успеешь моргнуть.

Высота, направление, скорость — все четко, строго по инструкции с точностью до запятой.

— Повинуюсь малейшей твоей прихоти, — театральное вздохнул Кролик. — Ну что ж, я следующий на посадку. Прощай, холодная красавица, прощай, прощай. — Его голос стих, а с ним пропало и ощущение присутствия.

И как раз вовремя, потому что Кейтлин уже готова была рассмеяться, а поощрять Кролика не хотелось. Тут попробуй засмейся — таким, как он, только того и надо.

В это самое мгновение ее дракон начал выкидывать кренделя. Сначала сбился с ритма один из двигателей — чуть заметно, почти неуловимо. (Но Кейтлин же была пилотом 7708-й, она-то слышала.) Потом она почувствовала, как драконица борется с ее властью. (Но змея подчинялась ее разуму и помыслить не могла вырваться на волю.)

— Ах ты ж мерзкая гадина, — пробормотала Кейтлин. — Что такое в тебя вселилось, во имя Повешенного Бога?

На ответ она не рассчитывала. Драконы никогда не отвечают на вопрос — разве что обратиться к ним напрямую с помощью определенных протоколов, да и то не факт. Они гордые создания, подверженные странным настроениям.